

Новые концептуальные парадигмы для понимания конфликтов 21-го века

Дэвид Килкаллен

©AP Images/Hussein Mallat

Мониторинг многонациональных сил по соблюдению перемирия после войны 2006 года между Израилем и «Хезболлой» – недавний пример сотрудничества международного сообщества в разрешении новых конфликтов, возникающих в 21-м веке. На этой фотографии Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун благодарит представителей 30 стран, участвовавших в данном проекте.

Дэвид Килкаллен – подполковник австралийской армии в отставке, старший советник Многонациональных сил в Ираке по вопросам подавления мятежей и специальный советник Пентагона по нерегулярным войскам и борьбе с терроризмом; в прошлом главный стратег Управления координатора по борьбе с терроризмом в Государственном департаменте США. Регулярно публикуется в блоге «Журнал малых войн». В этой статье, как и в остальных его публикациях, представлена только его личная точка зрения.

Сейчас наш ретроспективный взгляд на Вторую мировую войну можно назвать, в основном, единообразным, хотя в то время, когда она велась, наблюдались значительные расхождения в отношении ее целей, проведения операций и стратегии. Однако

практически никто не спорил с тем, что это была война, а державы Оси были врагами/агрессорами.

Совсем иначе обстоит дело с войной против терроризма. Некоторые спорят о том, можно ли назвать военный конфликт войной, другие ставят под сомнение реальность угрозы. Крайне левые критики винят во всем американские промышленные интересы, тогда как какой-нибудь маргинал-лунатик считает события 11 сентября 2001 г. массовым заговором против самих себя. Более серьезная проблема состоит в том, что существуют разные мнения относительно того, кто является врагом. Является ли «Аль-Каида» реальной угрозой или плодом западной паранойи и повышенной чувствительности? Существует ли она вообще? Является ли «Аль-Каида» массовым движением или это просто философия или умонастроение? Являются ли врагом терроризм вообще? Является ли им экстремизм? Или сам ислам является в некотором смысле угрозой? Является это в первую очередь военной или политической проблемой или проблемой отношений между цивилизациями? В чем состояла бы «победа»? В данном случае, в отличие от прежних конфликтов (возможно, за исключением холодной войны), ответы на эти фундаментальные вопросы остаются спорными.

В действительности угроза, которую представляет собой «Аль-Каида», является слишком реальной. Однако неясность возникает из-за того, что данный конфликт подрывает существующие парадигмы, разрушая смысл таких понятий, как «военные действия», «дипломатия», «разведка» и даже «терроризм». Как, например, нам вести войну с неправительственными группировками, которые скрываются в государствах, с которыми мы находимся в состоянии мира? Как нам работать с союзниками, территория которых является надежным убежищем для негосударственных формиро-

ваний, являющихся противниками? Как нам победить врагов, которые используют инструменты глобализации и открытого общества, и не разрушить при этом того, что мы хотим защитить?

Новая парадигма

Британский генерал Руперт Смит считает, что говорить о войне, если она определяется как вооруженный конфликт между странами, а также между их армиями с использованием промышленного потенциала, когда исход решается столкновением вооруженных сил, больше не имеет смысла. По его мнению, мы живем в эпоху «войн между людьми», когда полезность использования вооруженных сил зависит от их способности адаптироваться к сложным политическим условиям и вести борьбу против негосударственных формирований, являющихся врагами, в то время как мировое общественное мнение критически наблюдает за происходящим¹. Очевидно, что в сложных многосторонних, постоянно видоизменяющихся конфликтах, таких как Ирак, традиционные военные действия не приносят реальных результатов. Вместо этого мы прибегли к политическим методам, восстановительным работам и созданию общественно-политических институтов в стране, и противодействию повстанцам. И одновременно мы модифицировали процессы межведомственного взаимодействия.

При этом мы ведем традиционную дипломатическую работу, привлекая к ней ведущих политических лидеров, интеллигенцию и бизнесменов других стран. Наша теория состоит в том, что проблемы могут быть разрешены при согласии элит, преобладании умеренного подхода, путем межправительственных переговоров и приводя в исполнение достигнутые решения. На этой парадигме основаны понятия суверенитета, национального государства, договорных режимов и международных институтов. При этом враг действует вне элит, эксплуатируя недовольство и отчужденность людей во многих странах для аккумуляции действий многочисленных стихийных образований в массовое движение международного уровня. Как решить эту проблему с помощью моделей, основанных на действиях власти и ведущих представителей интеллигенции и бизнеса? Эта проблема не нова – во время холодной войны посольствами США велся целый ряд программ по привлечению неправительственных элементов в гражданских обществах, в которых существовал риск коммунистического переворота. Однако многие такие программы после 1992 года были закрыты, а проблемы религиозного экстремизма и политического насилия требуют применения несколько иных подходов.

Аналогичная ситуация – со спецслужбами. Первоначально они создаются не для выяснения того, что происходит, а для получения секретных данных других государств. Они приспособлены к государственным целям и не совсем подходят для негосударственных структур. Ведь в последнем случае проблема состоит в том, чтобы приобрести информацию, которая не является секретной, но источник которой находится в запретной, враждебной зоне или географически труднодоступной области, или в кругах, вход куда закрыт. Даже в случае правительственных структур традиционная разведка не может нам сказать, что происходит – она может лишь сообщить о том, что происходит, по мнению правительства. Например, почему западная разведка пропустила надвигавшийся распад Советского Союза в 1992 году? Частично – из-за того, что мы читали почту советских лидеров, а они сами не понимали глубины и силы стихийного разочарования в коммунизме². Почему большинство стран (включая те, которые выступали против иракской войны) верило в 2002 году в то, что у режима Саддама Хусейна имелось оружие массового поражения? Потому что прослушивали каналы связи этого режима, а многие высокопоставленные чиновники Ирака сами думали, что оно у них есть³.

©AP Images/Kenneth Lambert

Названия правительственных ведомств США, участвующих в борьбе с терроризмом, перечислены во время слушаний по реорганизации федерального уровня для борьбы с терроризмом в июне 2002 года.

Устойчивые широкомасштабные тенденции определяют характер сложившейся в настоящее время обстановки. К ним относятся глобализация и негативная реакция на нее, активизация негосударственных структур, потенциал которых сопоставим с государственным, традиционное военное превосходство США в области обычных вооружений, которое заставляет их противников избегать его и использовать вооружения другого

© AP Images/Lefteris Pitarakis

«Ламбертин» – магазин на окраине Аммана, столицы Иордании: рабочие складировали одеяла, предоставленные в виде помощи Агентством США по международному развитию для распределения в Ираке.

типа, не обычные вооружения, а также глобальная информационная среда, созданная интернетом и спутниковыми средствами связи. Все эти тенденции останутся, даже если «Аль-Каида» завтра исчезнет, и пока мы не научимся бороться с угрозами такого рода, любой умный противник будет использовать их. Хотя «Аль-Каида» ни в коей мере не является решенной проблемой, оглядываясь назад, мы можем сказать, что именно она была предвестником новой эры конфликтов.

Адаптация к новым условиям

По наблюдению Хэнка Крамптона, американского официального представителя, который занимался вопросами противодействия терроризму, мы стоим на пороге новой военной эры, которая требует принятия гибких ответных действий. Как и динозавры, которых вытеснили меньшие по размеру, более слабые, но лучше приспособившиеся млекопитающие, национальные государства в эту новую эру являются относительно мощными, но неповоротливыми и негибкими по сравнению с противостоящими им негосударственными структурами. Как и во всех конфликтах, успех будет зависеть от нашей способности к адаптации и разработке новых ответных средств, что позволит нам опередить изменения в среде, которая трансформируется исключительно быстро и в которой создаются угрозы.

Враг адаптируется очень быстро. Рассмотрим эволюцию «Аль-Каиды» с середины 1990-х годов. Первые теракты (взрывы бомб в посольствах в странах Восточной Африки, теракт на американском эсминце «Коул» и 11 сентября) были «экспедиционными»: «Аль-Каида» формировала команду в стране Ф, подготавливала ее в стране И и тайно забрасывала ее в страну С для атаки цели. В ответ мы повысили уровень транспортной безопасности, защиты инфраструктуры и иммиграционного контроля. В свою очередь, террористы разработали «партизанский» подход, когда вместо того, чтобы создавать команды «на расстоянии» и тайно их внедрять для проведения терактов, они формировали команду рядом с местом проведения теракта, используя граждан враждебных государств. По такому сценарию были построены взрывы бомб в Лондоне и Мадриде, а также теракты в Касабланке, Стамбуле и Джедде и неудавшийся заговор против авиакомпании в Лондоне летом 2006 года.

Часто эти теракты описываются как «местные», однако при этом они инспирируются, эксплуатируются и до некоторой степени управляются «Аль-Каидой». Например, Мохаммед Сидек Хан, руководитель лондонского теракта 7 июля 2005 года, прилетел в Пакистан, и, возможно, встречался с представителями «Аль-Каиды» для получения указаний и инструктажа перед выполнением теракта⁴. Однако новый подход временно нейтрализовал наши контрмеры: вместо тайного проникновения 19 человек, террористы использовали только одного человека, которому удалось пройти через наши новые системы безопасности. Террористы приспособились к нашему новому подходу, разработав для себя новые методы.

Конечно, теперь мы внимательно следим за этим «партизанским» методом. Срыв теракта в августе 2006 года в Лондоне и других недавних попыток терактов – результат нашей новой тактики. Однако, несомненно, террористы уже разрабатывают новые средства адаптации. В борьбе против терроризма методы, которые должны работать, почти по определению, уже устарели: когда нам удастся противодействовать их нынешнему подходу, они уже разрабатывают следующий. Простого решения не существует. Как и малярия, терроризм постоянно мутирует, а требует постоянного обновления арсенала ответных средств.

Пять практических шагов

В ответ на появление «нестандартных» или «неочевидных» форм военных действий Соединенные Штаты к настоящему времени предприняли ряд важных мер. Во-первых, были усовершенствованы существующие институты: произведена реформа в разведывательных органах, создано Министерство внутренней безопасности и увеличена численность «нерегулярных», т.е. нетрадиционных, боевых формирований в рамках Министерства обороны. Во-вторых, мы начали разработку новых концептуальных парадигм с учетом новой реальности. Их создание полностью еще не закончено, однако некоторые идеи получили развитие – например, идея рассматривать конфликт как широкомасштабную проблему противодействия повстанцам, которая требует использования в первую очередь невоенных средств вместе с мерами по защите населения, подверженного опасности, от воздействия врага⁵.

Однако в некотором смысле сегодняшние политики, сталкиваясь с формой конфликта, которая обесценивает имеющееся знание, напоминают генералов времен Первой мировой войны, которые столкнулись с «проблемой окопов» в 1914–1918 г.г. Подобно им, мы действуем в среде, которая трансформируется в результате появления новых технологических и социальных факторов и для которой организации и концепции, работавшие до сих пор, вряд ли подходят. Как и у них, у нас есть «обходные пути», однако нам еще предстоит разработать и создать принципиально новые концепции, технологии и организации – аналогичные концепции *блицкрига*, созданной в 1930-е годы – которые бы отвечали бы специфике условий, в которых создаются новые угрозы.

Простого ответа не существует (если бы он был, мы бы его уже нашли), однако можно сформулировать некоторые принципы движения в нужном направлении. Они включают три «концептуальных» шага, которые приведут к созданию новых моделей для понимания угрозы и два «организационных» шага, которые приведут к созданию сил для данной формы конфликтов. Этот подход – не руководство к действию, а лишь один из возможных вариантов. Кроме того, выдвигаемые идеи не новы – скорее, они собраны вместе и могут рассматриваться как политический подход.

1. Разработка новой терминологии

Профессор Майкл Влахос отмечает, что язык, который мы используем для описания новых угроз, активно препятствует инновационному мышлению⁶. Наши термины имеют отрицательную формулировку – они говорят о том, чем террористическая среда не является, а не

о том, чем она является. Среди этих терминов – *не*-традиционный, *не*государственный, *не*ортодоксальный и *нерегулярный*. Несомненно, терминология влияет на нашу способность четко мыслить. Одной из причин, по которым органы военного планирования в Ираке считали Этап-3, «крупные военные операции», завершающим, не понимая, что в этом случае постконфликтный этап имеет критическое значение, а потому Этап 3 будет решающий по определению. Его полное официальное название «Этап 3 – решающие операции». Для прояснения новых угроз нам необходима новая терминология, основанная на фактических и наблюдаемых характеристиках реальных врагов, которые:

- объединяют терроризм, государственные перевороты, гуманитарную помощь и повстанческие операции для поддержки пропаганды, направленной на манипулирование чувствами местной и международной общественности;
- объединяют усилия огромного числа стихийных активистов, разбросанных по многим странам, в массовое движение, которое по эффективности превосходит сумму усилий отдельных частей и отличается расплывчатостью функций управления и планирования, что мешает нам в определении целей;
- используют оперативность и общедоступность современных СМИ для мобилизации своих спонсоров и сторонников со скоростью, превышающей возможности правительственных органов;
- эксплуатируют глубоко укоренившуюся систему представлений, основанную на религиозной, этнической, племенной или культурной идентичности, для создания крайне воинственной и нерациональной реакции у различных социальных групп;
- эксплуатируют безопасные убежища, такие как неуправляемые или плохо управляемые области (в физическом или виртуальном пространстве); идеологические, религиозные или культурные «зоны молчания» или пробелы в законодательстве;
- используют высокоуровневые символические теракты, провоцирующие государства к принятию чрезмерных ответных мер, которые вредят их долгосрочным интересам;
- создают многочисленные локальные проблемы, используя небольшие финансовые ресурсы, чтобы измотать нас, провоцируя на дорогостоящие средства сдерживания, предотвращения и противодействия в целом ряде удаленных регионов.

Эти характеристики новой среды могут послужить основанием для создания терминологии, которая лучше описывает угрозу. Поскольку новые угрозы исходят не

от государств, основа-
нием нашего подхода
должны стать не меж-
дународные отношения
– изучение взаимо-
действия государств в
рамках элит, а антро-
пология – изучение со-
циальных ролей, групп,
статуса, институтов и
отношений с группами
населения за пределами
структур власти в него-
сударственной среде.

2. Выбор базовой стратегии

Если эта конфронта-
ция основана на долго-
срочных тенденциях,
отсюда следует, что
борьба может стать
долгосрочной и занять
период жизни одного
или более поколений.

Это означает, что нам
нужен как «перспектив-
ный», так и «широкий»
взгляд⁷, чтобы оптимальным
образом соединить вместе все составляющие националь-
ного мощи, включая частный сектор и более широкие
слои общества. Поэтому нам нужна базовая стратегия,
которую бы поддержали американский народ, последу-
ющие администрации президентов США, ключевые
союзники и партнеры по всему миру. Формулирование
такой долгосрочной базовой стратегии потребовало бы
принятия четырех основных решений по следующим
вопросам:

- Является ли наилучшим для наших интересов вмешательство и попытка управлять процессом политического и религиозного брожения в мусульманском мире или лучше вместо этого сдерживать любые выплески насилия и беспорядков в западных странах? Эта дилемма аналогична выбору между «отбрасыванием» и «сдерживанием» во время холодной войны и является ключевым элементом в реализации долгосрочной системы ответных мер.
- Как распределять ресурсы между военными и невоенными элементами национальной мощи? Наши нынешние расходы и усилия являются в основном военными. Напротив, в рамках «международного противодействия повстанческим дви-

© AP Images/Irwin Fedriansyah

В международной борьбе против терроризма участвуют военные многих стран, включая этих солдат специального назначения из Индонезии, приветствующих своих коллег во время антитеррористической операции, проведенной неподалеку от Джакарты в 2006 году.

жениям» примерно 80% усилий предполагается направить на политическую, дипломатическую, восстановительную, разведывательную и информационную деятельность и только около 20% – на военную деятельность. Подходит ли нам такой подход, зависит от нашего выбора между вмешательством и сдерживанием.

- Сколько ресурсов, включая человеческие жизни, может быть потрачено на решение этой проблемы? Это потребует оценки рисков с учетом вероятности и последствий будущих терактов. Такая оценка должна также учитывать, сколько средств можно израсходовать на безопасность, не создавая тяжелого бремени для наших обществ.
- Как выбрать географические приоритеты? В настоящее время большая часть усилий сосредоточена на Ираке, другая, намного меньшая часть – на Афганистане, а оставшаяся приходится на все остальные регионы. Частично это связано с тем, что наши расходы являются в основном военными, и мы предпочли вмешательство в самом центре мусульманского мира. Выбор между военным и невоенным участием, а также между вмешательством и сдерживанием может привести к созданию существенно различающихся региональных приоритетов.

Ясно, что специфика стратегии любой администрации изменилась бы в ответ на развитие ситуации. Фактически, такая гибкость имеет критическое значение. Однако достижение устойчивого консенсуса как на национальном, так и на международном уровне по четырем ключевым вопросам, перечисленным выше, стало бы долгосрочной основой для осуществления политики последующими администрациями.

3. Устранение дисбаланса в средствах, находящихся в распоряжении правительства

В настоящее время оборонный бюджет США составляет примерно половину мировых расходов на оборону, в то время как в вооруженных силах США служат примерно 1,68 млн. человек⁸. Для сравнения – в Государственном департаменте работают примерно 6 тыс. специалистов по международным отношениям, а в Агентстве США по международному развитию – примерно 2 тыс. человек⁹. Другими словами, Министерство обороны примерно в 210 раз больше, чем Агентство по международному развитию и Госдепартамент вместе взятые – в оркестрах Вооруженных сил играет значительно больше музыкантов, чем во всей внешнеполитической службе¹⁰.

Целью этого не является критика Министерства обороны: вооруженные силы всегда были более трудо- и капиталоемкими, чем дипломатическое ведомство или агентства по оказанию помощи. Однако если учесть, насколько важны в данной форме конфликта дипломатия, социально-экономическое развитие и информация (Информационное агентство США было расформировано в 1999 году, а его функции были переданы Государственному департаменту), то становится ясно, что существует явный дисбаланс между военными и невоенными элементами потенциала. Такая ситуация искажает политику и является исключением в мировой практике. Например, вооруженные силы Австралии примерно в 9 раз больше, чем ее дипломатическое ведомство и агентства по оказанию помощи вместе взятые: да, они больше, чем другие элементы государственной власти, но не в 210 раз.

К достоинству своему, Министерство обороны признает наличие проблем, заложенных в таком дисбалансе, и это также отмечено в четырехгодичном «Обзоре состояния обороны» 2006 года¹¹. Администрация Буша также имеет программы по увеличению невоенных средств. Однако для долгосрочного успеха нам нужно

© AP Images/David Guttenfelder

Солдат Национальной гвардии США работает с иракским полицейским в отделе тяжких преступлений в западном Багдаде.

твердое намерение создать невоенные компоненты национальной мощи. Так называемые «мягкие» факторы мощи – экономический уровень частного сектора, национальная репутация и доверие к культуре являются крайне важными, поскольку военная мощь сама по себе не может компенсировать их потерю.

Принятие решений для обеспечения движения по этим трем направлениям займет время. Что, между прочим, является хорошим основанием, чтобы начать их делать. Однако сначала нужно совершить два шага в плане организации:

4. Определение новых «стратегических служб»

Ведущую роль в войне против терроризма играют Силы специального назначения, поскольку обладают потенциалом прямых действий в отдаленных или запретных районах. Между тем, Макс Бут¹² считает, что нам снова нужно ведомство, аналогичное Управлению стратегических служб, которое действовало во время Второй мировой войны и занималось анализом, разведкой, изучением обстановки на местах, специальными операциями, информацией, психологическими операциями и вопросами технологического потенциала.

Здесь важны прилагательные – «СПЕЦИАЛЬНОГО назначения» и «СТРАТЕГИЧЕСКИХ служб». Войска специального назначения выделяются из общей совокупности вооруженных сил – они решают задачи, которые

«выходят за пределы возможностей» обычных войск. Напротив, Управление стратегических служб было стратегическим ведомством. Его функция определялась создавшимися внешними условиями, и оно решало задачи стратегической важности, быстро формируя и применяя свои силы в случае необходимости. Силы специального назначения формируются почти полностью из военных. Но Управление стратегических служб было межведомственным органом со значительным гражданским компонентом. Практически весь его военный персонал состоял из военнослужащих-срочников – призванных на службу во время войны гражданских специалистов разного профиля, у которых были стратегически важные профессии¹³. Силы специального назначения ведут свою историю от Управления стратегических служб; однако сегодняшние силы специального назначения – это узкоспециализированные элитные войска, способные проводить 7 видов миссий¹⁴. А Управление стратегических служб было смешанной гражданско-военной организацией, которая выполняла те задачи, которые диктовала обстановка, накапливая при этом необходимый потенциал по мере необходимости.

Определение того, какие службы являются на сегодняшний день стратегическим, станет ключевым шагом в создании приоритетов при реализации межведомственных мер. Средства для борьбы со стихийно возникающими угрозами включают в себя получение данных о состоянии культуры, этнографический анализ, изучение социальных систем, информационные операции (см. ниже), группы раннего реагирования или гуманитарные и управляющие команды по реагированию на особо опасные угрозы, группы переговорщиков и посредников, биометрические средства и целый ряд других стратегически важных средств. Значимость каждого из этих средств со временем меняется – некоторые средства, которые являются стратегически важными сейчас, в будущем перестанут быть таковыми, при этом появятся новые средства. Главным является создание межведомственного потенциала быстрого приобретения и применения новых технологий в обстановке, которая быстро меняется.

5. Разработка стратегического потенциала для ведения информационной войны

В целях манипуляции местной и зарубежной аудиторией «Аль-Каида» весьма изощренно эксплуатирует многочисленные разрозненные действия отдельных людей и групп, используя их в своих пропагандистских материалах. «Аль-Каида» имеет сеть сбора информации о дебатах на Западе и предоставляет ее вместе с оценкой эффективности своей пропаганды своим лидерам. Они используют физические операции (взрывы бомб, повстанческая деятельность, казни) в качестве вспо-

могательных материалов для комплексной кампании «вооруженной пропаганды». «Информационная» сторона деятельности «Аль-Каиды» является основной; физические операции – это просто инструмент для достижения пропагандистского результата. «Талибан», «Салафитская группа проповеди и джихада» (сейчас это подразделение «Аль-Каиды» в мусульманских странах Магриба) и некоторые другие группы, связанные с «Аль-Каидой», а также «Хезболла», применяют аналогичные методы.

Сравните это с нашим подходом. Мы обычно сначала разрабатываем военные операции, затем проводим информационные операции по их поддержке для объяснения своих действий. Этот подход противоположен используемому «Аль-Каидой». Несмотря на весь наш профессионализм по сравнению с врагом, наша публичная информация – это то, о чем мы думаем в последнюю очередь. Если говорить в терминах военных действий, для «Аль-Каиды» «главный удар» – это информация. Для нас информация – это «вспомогательный удар». Как уже отмечалось, в армии США служат 1,68 млн. человек, и то, что они делают, звучит громче, чем голоса наших профессионалов в области общественной информации, число которых всего несколько сотен. Поэтому для борьбы с экстремистской пропагандой нам необходим стратегический потенциал для ведения информационной войны – комплекс функций, связывающий воедино все, что мы говорим и делаем, который позволял бы нам направлять в мир наши стратегические сообщения, поддерживая, таким образом, нашу политику в целом.

В настоящее время вооруженные силы имеют хорошо развитую доктрину информационных операций, однако в других агентствах ее нет, и они часто не без основания опасаются использовать военные методы. Проведение информационных операций в военном духе было бы серьезной ошибкой, которая привела бы к смешению части с целым, иными словами, сведению национальной стратегии США к военным операциям, и негативно сказалась бы на нашей политике в целом. Но отсутствие общей доктрины, которая охватывала бы разные правительственные учреждения, и стратегического потенциала вести информационную войну ограничивает нашу эффективность и создает диссонанс в сообщениях, которые поступают из различных правительственных ведомств США или которые они сами готовят.

Нам необходимо межведомственное сотрудничество, возглавляемое самими высокопоставленными представителями исполнительной и законодательной ветвей власти для создания средств, организаций и доктрины проведения информационной кампании национального уровня. Создание таких средств является, возможно, наиболее важной нашей задачей в новую эпоху конфликтов, вызванных распространением информации.

Предварительные выводы

Все это – новая терминология, базовая стратегия, сбалансированность средств, стратегические службы и стратегический потенциал для ведения информационной войны – отражает абстрактные идеи, которые возникают при попытке комплексного поиска новых парадигм для понимания конфликтов 21-ого столетия. Такие попытки могут привести к появлению новых подходов. В любом случае резкие изменения условий в результате адаптации врага потребуют постоянных инноваций. Однако совершенно очевидно то, что с помощью наших традиционных понятий – обусловленной уровнем промышленного развития войны между странами, дипломатии, обращенной к властям, и разведки, ориентированной на государства, – нельзя объяснить особенности создавшейся в настоящее время ситуации или предоставить новую концептуальную парадигму для противостояния современным угрозам.

Холодную войну можно сопоставить с сегодняшним конфликтом лишь по некоторым параметрам. Существует множество различий между сегодняшними угрозами и угрозами времен холодной войны. Но, по крайней мере, такая ее характеристика, как продолжительность, а также долгосрочные тенденции, которые играют существенную роль в нынешней конфронтации, могут действительно рассматриваться по аналогии с холодной войной, которая длилась в разных формах в течение 75 лет, начиная с революции 1917 года до распада СССР в декабре 1991 года. Многие из ее последствий, особенно «унаследованные конфликты», берущие свое начало в войне между СССР и Афганистаном, до сих пор остаются с нами. Даже если эта конфронтация продлится лишь половину времени, которое длилась холодная война, мы действительно находимся в начале долгого пути – независимо от того, признаем мы это или нет.

Новые угрозы, которые во многих отношениях обесценивают наше знание, основанное на прошлом опыте, свидетельствуют о том, мы находимся в начале новой эпохи конфликтов. И сейчас мы должны в первую очередь искать принципиально новые идеи для понимания и отражения этих угроз. Это самый серьезный вызов, который нам необходимо отвратить. ■

Мнения, высказываемые в этой статье, не обязательно отражают взгляды или политику правительства США.

Сноски и примечания

1. См. Rupert Smith, *The Utility of Force: The Art of War in the Modern World* (New York: Alfred A. Knopf, 2007), especially pp. 3–28 and 269–335.

2. См. Gerald K. Haines and Robert E. Leggett, *Watching the Bear: Essays on CIA's Analysis of the Soviet Union* (Washington, D.C.: Central Intelligence Agency, Center for the Study of Intelligence, 2003), особенно главы VI и VII.

3. См. Kevin M. Woods et. al, *Iraqi Perspectives Project: A View of Operation Iraqi Freedom from Saddam's Senior Leadership* (Joint Forces Command, Joint Center for Operational Analysis), p. 92.

4. Intelligence and Security Committee, *Report Into the London Terrorist Attacks on 7 July 2005* (London: The Stationery Office, May 2006), p. 12.

5. См. David Kilcullen, "Countering Global Insurgency," *Small Wars Journal* (November 2004) и доступно по адресу <http://www.smallwarsjournal.com/documents/kilcullen.pdf>; Williamson Murray (ed.), *Strategic Challenges for Counterinsurgency and the Global War on Terrorism* (Carlisle, PA: Strategic Studies Institute, 2006); and Bruce Hoffman, "From War on Terror to Global Counterinsurgency," *Current History* (December 2006): pp. 423–429.

6. Professor Michael Vlahos, Johns Hopkins University Applied Physics Laboratory, личное сообщение, декабрь 2006 года.

7. Я признателен Стиву Имсу за эту концептуальную формулировку.

8. На основе данных Международного института стратегических исследований, *Military Balance 2007*, pp. 15–50.

9. Данные Государственного департамента США и Агентства США по международному развитию, *Congressional Budget Justification 2007*, table 9.

10. Только в Сухопутных войсках США работают более 5 тыс. оркестровых музыкантов, согласно объявлениям о приглашении на работу (март 2007 г.); см. <http://bands.army.mil/jobs/default.asp>.

11. Министерство обороны, *Quadrennial Defense Review Report* (2 February 2006): pp. 83–91.

12. См. Max Boot, Congressional Testimony Before the House Armed Services Committee, 29 June 2006, по адресу http://www.globalsecurity.org/military/library/congress/2006_hr/060629-boot.pdf.

13. Центральное разведывательное управление, *The Office of Strategic Services: America's First Intelligence Agency* по адресу <https://www.cia.gov/cia/publications/oss/index.htm>.

14. Семь стандартных миссий Сил специального назначения включают в себя прямое действие, специальную разведку, нетрадиционные операции, внутреннюю оборону иностранных государств, борьбу с терроризмом, психологические операции и связь с населением.